

ЭФТИ

ПРОРОЧЕСТВО

Альтеркастер

Эфти

Пророчество

«Автор»

2026

Эфти

Пророчество / Эфти — «Автор», 2026 — (Альтеркастер)

Благословение древнего зла и проклятие святого паладина. Две силы, которые не должны встретиться. Они встретились. «Пророчество» — третья книга цикла об Альтеркастере. Здесь нет пути назад. Здесь нет прежнего Алекса. Здесь есть только то, что рождается на стыке света и тьмы, жизни и смерти, надежды и отчаяния. И оно уже смотрит на вас.

Содержание

Глава 1. Записи первая и вторая	5
Глава 2. Записи с третьей по седьмую	8
Глава 3. Записи с восьмой по одиннадцатую	14
Глава 4. Записи с двенадцатой по четырнадцатую	18
Глава 5. Записи с пятнадцатой по восемнадцатую	22
Глава 6. Записи с девятнадцатой по двадцать первую	27
Глава 7. Записи с двадцать второй по двадцать четвертую	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Эфти Пророчество

Глава 1. Записи первая и вторая

Запись нулевая

Я нашёл пустую книгу, которую ещё не успели запятнать монахини Норхат своими знаниями о великой богине. Писать дневник стало для меня привычкой, которой мне не хочется изменять. В подzemелье корпуса инквизиторов я успел дописать только до шестьдесят девятой записи, но одна из послушниц заметила мой дневник, и его отобрали силой.

Они ещё поплатятся за всё, что сделали. В том числе и за дневник, который у меня отобрали.

Начиная с нового листа, я большими буквами написал посередине страницы: «Пророчество». Книга о том, как я постигал искусство альтеркастера и между делом пошёл войной на богинь.

Но обо всём по порядку.

Запись первая

Что ж, если мой старый дневник, дневник Гаррета, ставший свидетелем моих злоключений, безвозвратно утерян, я расскажу немного о себе.

Меня зовут Алекс, и я жрец, чьи заклинания работают наоборот. Это называется альтеркастинг. Но беда в том, что у некоторых он проявляется только на отдельные заклинания. А мой альтеркастинг срабатывает на всё, что бы я ни использовал. Таких людей называют истинным альтеркастером, и на ближайшие пару сотен лет известно было всего один.

Я.

Вместе с моими верными спутницами — наемницей Аяаной, обладающей легендарным мечом Вейландры Рей — Тихим Громом, и девочкой по имени Ми, которую мы вытащили из другого мира. В ней течёт драконья кровь, она умеет быстро регенерировать, а также воровать вещи из других миров.

Вместе мы прошли много приключений, где я успел рассориться с некоторыми божественными сущностями и стать тюремщиком для древнего зла, заключённого теперь в мою левую руку. И Паладина Зари, живущую теперь в моей голове, доставшуюся с могущественным артефактом — мечом света и тьмы — Талиесином.

Ничего не понятно? Это не страшно, будет ещё хуже.

Запись вторая

Когда мы проснулись в комнате для гостей колдуна Огневехой горы, перед нами уже стояли с оружием наготове три жрицы Храма Норхат. Они использовали какой-то артефакт для подавления нашей воли и магических возможностей. Иначе эта тройка сыграла бы в ящик прямо среди подушек и одеял.

Я не был удивлён. Я открыл веки и увидел три пары холодных глаз, а в воздухе вибрировало золотое свечение. На полу лежал мёртвый Эрнесто.

Ещё один пункт в моём личном списке мести. Эрнесто был добр с нами, и я был уверен, что он не причинил бы какого-то особо вреда этим трём нагрывавшим внезапно гостям. Он просто пытался нас защитить, а теперь лежал на холодном камне, и его зелёная кожа уже начинала сереть.

— Не двигаться, — сказала одна из жриц.

— Ми, — ответила девочка, разлепляя сонные глаза.

— Колдун и его подельники, — сказала вторая, — мы арестовываем вас именем Норхат.

— Вас ожидает процесс, — сказала третья, — который решит вашу дальнейшую судьбу.

— Паладин Зари, — мысленно позвал я.

— Не сопротивляйся. Не получится, — ответила она.

Аяана не слышала наставления Паладина Зари и попыталась напасть на одну из жриц. Она рванула вперёд, выхватывая кинжал, но тут же об этом поплатилась. Артефакт, что был у третьей, среагировал мгновенно. Золотая вспышка, и наемница упала на четвереньки, хватаясь за горло. Она пыталась вдохнуть, но лёгкие не слушались. Глаза налились кровью, лицо посинело.

— Ми! — крикнула Ми, но тоже не смогла двинуться. Светящиеся цепи опутали её маленькое тело, прижав к полу.

— Не надо, — сказал я. — Мы сдаёмся.

— Поздно, — ответила старшая жрица. — Ваша подруга выбрала насилие. Теперь она ответит.

Когда воздух снова начал поступать в лёгкие Аяаны, она прошипела сквозь зубы:

— Твари.

— И это тебе зачтётся, — сказала вторая и пнула наемницу под рёбра. Аяана скрючилась, но не закричала. Только выдохнула:

— Я запомню.

— Будешь вспоминать в темнице, — ответила третья.

Светящееся золотое окно разверзлось в пространстве. Оно пульсировало, слегка меняя свою форму. Через него нас перебросили в Монастырь Норхат.

Место в изумрудном лесу, где фанатично преданные служители Норхат построили свою обитель. Организация крупная и военизированная, под стать богине возмездия и баланса. Я успел заметить высокие стены, башни, часовни и десятки жриц в серебристых доспехах, прежде чем нас разделили.

Меня заперли в камере подземелья корпуса инквизиции. Каменные стены, железная дверь, узкое окно под потолком. Стандартный набор. Пахло сыростью, плесенью и чем-то сладковатым.

Моим возмездием.

— Ми, — сказал я сам себе.

Меня допрашивали несколько раз. Жрицы приходили по очереди, задавали одни и те же вопросы.

— Я — путник, — отвечал я. — Заблудился в тумане. Зашёл в гости.

— Лжёшь, — говорила очередная жрица.

— Не лгу, — отвечал я. — Но вы всё равно не поверите.

Они думали, что поймали колдуна Огневерхой горы. Но я таковым не был и информацией не владел. Любые возражения были бесполезны — они слышали только то, что хотели услышать, но не меня.

Когда очередная жрица-дознаватель покинула моё скромное временное пристанище, я достал дневник и сделал записи. Писал быстро, торопливо, чтобы успеть, пока никто не вер-

нулся. О том, что произошло. О своих снах и видениях. Об очередной встрече с Пандорой и истине, которую она мне поведала. О последней встрече с Агилем.

Я успел дописать последнюю строчку, когда дверь распахнулась.

Две жрицы Норхат влетели в камеру, даже не спросив разрешения. Одна схватила дневник, вырвала его из рук, перелистнула несколько страниц и зло усмехнулась.

— Не положено, — сказала она и врезала мне в челюсть.

Голова дёрнулась, во рту появился привкус крови. Я не упал — удержался на ногах, опершись о стену.

— Пиши на стене, — сказала вторая, закрывая дверь, — кровью.

Они ушли и забрали дневник.

Как ранее забрали мой меч, моих спутниц и мой краткий миг покоя в глубинах Огневерхой горы.

Но они не смогли отнять у меня Кромвеля и Паладина Зари. И это была самая большая ошибка для всего Монастыря и для богини Норхат лично.

Глава 2. Записи с третьей по седьмую

Запись третья

Я подошёл к двери своей темницы и разглядывал петли и замок. Обычная железная дверь, обычные заклёпки, обычная замочная скважина. Обычные вещи удерживают необычного пленника.

— Они украли наш меч, — подгоняла к действиям Паладин Зари. — Неприемлемо. Глупые фанатички. Мы должны действовать.

Я с трудом сдерживал улыбку. Паладин ругалась на жриц. Впервые за долгое время я слышал в её голосе не холодную решимость, а живую, почти человеческую злость.

— Кража — проступок, — не унималась Би. — Красть оружие у паладина — серьёзное преступление.

Я закрыл глаза. С силой зажмурился, чтобы тьма была чернее, плотнее.

— Кромвель, — обратился я к древнему злу, — ты поможешь?

Рука завибрировала. Чёрная рука с фиолетовыми прожилками потянулась к двери сама. Я не управлял ей — она вела меня. Я почувствовал, как ладонь легла на дверь. Металл был холодным, но под пальцами, там, где касалась тьма, он начинал теплеть.

Толчок.

Я не успел собраться с мыслями. Не успел сказать Кромвелю, что сначала нужно разработать план. Не успел ничего.

Импровизируем.

Дверь сорвалась с петель. Не просто открылась — она вылетела, как пробка из бутылки сидра. С грохотом, будто что-то огромное и очень злое вырвалось на свободу.

Так и было.

Дверь полетела в глубь коридора подвала корпуса инквизиции, сбивая с ног двух жриц, которые как раз шли на очередной допрос. Одна, по чистой случайности, упала и начала кричать, размахивая руками. Дверь продолжала свой полёт, унося вторую, и врезалась в стену, оставив за собой выбоину в камне и красные брызги вокруг.

Я перешагнул через первую жрицу, которая пыталась отползти в сторону. Она смотрела на меня с ужасом.

— Ты — не человек! — прокричала она, находясь в шоковом состоянии.

Я опустился на колени и положил левую руку на её голову. Она кричала, отбивалась, царапала мою руку, но Кромвель уже проснулся.

«Проклятие».

Фиолетовые частицы начали кружиться вокруг жрицы Норхат. Она завопила, сложившись пополам. Её рвало кровью, всё тело билось в конвульсиях. Я смотрел на это без жалости.

— Возможно, ты права, — сказал я, поднимаясь и покидая коридор. — Но вы сами виноваты. Вы убили Эрнесто. Вы забрали наш меч. Вы разлучили нас с Аяаной и Ми. Теперь пожинайте плоды.

В подвале были ещё камеры, но все они были пусты. Я прошёл мимо, не задерживаясь. Только пустые койки, ржавые цепи и запах отчаяния. Ни Аяаны, ни Ми. Только я и тени.

В дальнем помещении я нашёл груды свежих тел, сложенных кучей у стены. Люди. Все они были мертвы, и их смерть была не из приятных — переломанные кости, следы пыток, отсутствующие конечности. Кто-то умер быстро, кто-то мучительно долго.

По центру помещения стоял массивный стол, за которым орудовала в окровавленном кожаном фартуке леди-инквизитор. Она отрубала руку мясническим топором очередному бедняге, не пережившему допросы, не дожившему до процесса. Вдалеке, за её широкой спиной, как свиные туши, раскачивались у потолка человеческие туловища, лишённые конечностей.

— Бесчеловечно, — сказал женский голос в моей голове.

Я молча кивнул. Паладин Зари была права. Это было не просто жестоко. Это было за гранью. Почему Норхат закрывает глаза на злодеяния, творимые в её честь её верными последователями? Или она не знает о происходящем?

Ответ лежал на поверхности: она всё прекрасно знала.

Леди-инквизитор была высокой и стройной тёмной эльфийкой с белыми длинными волосами. На её тёмном лице с тонкими чертами, забрызганном каплями крови, зловеще выделялись красные глаза. Она смотрела на меня без страха. Леди-инквизитор была уверена, что я — очередная жертва.

— Ты кто? — спросила тёмная эльфийка.

— Я — тот, кто идёт к выходу, — ответил я.

— Тебя не выпустят.

— Поздно. Я уже вышел.

Она вышла из-за стола с поднятым тесаком. Эльфийка смотрела за мою спину, пытаясь угадать мои дальнейшие действия. Буду ли я бежать от столь опасной леди? Умолять о пощаде?

Нет.

Это ей стоило бы бежать от меня.

Пальцы левой руки сжались в кулак. Кромвель делал своё дело.

«Проклятие».

Фиолетовые частицы закружили вокруг инквизитора. Она пошатнулась, теряя равновесие. Её руки дрожали, топор почти выпал из ослабевших пальцев.

Я перехватил её за талию и забрал оружие. Она была обессилена, слаба и беспрекословно отпустила рукоять.

Я положил леди-инквизитора грудью и лицом на окровавленный стол, откинул её правую руку в сторону и замахнулся топором.

— Постой! — обессиленно сказала она.

Но я не остановился

Запись четвертая

Я поднялся по деревянной лестнице на первый этаж.

Деревянный коридор первого этажа корпуса инквизиции видал свои лучшие годы. Скрипучий пол, затёртые, ветхие стены и пыль на потолочной лепнине.

К северной стене были приставлены четыре длинных копья с красными наконечниками и квадратный чёрный щит. Я пригляделся и заметил, что это не щит, а очень странная картина. Холст, натянутый на деревянную раму, покрытый чёрной краской, в которой угадывался какой-то символизм. И копья — не копья, а спицы для вязания пещерных троллей.

Я даже не знал, что тролли вяжут.

Дверь напротив была приоткрыта. Я толкнул её.

Стопки книг разных размеров стояли посреди комнаты. Они были сложены прямо на полу, без всякой системы — фолианты в кожаных переплётах соседствовали с тонкими брошюрами, старые свитки лежали рядом с новыми, ещё пахнущими свежими чернилами. Я подошёл ближе.

Окно этого кабинета было заколочено. Свет трёх дюжин больших красных свечей освещал деревянный, грязный пол и стены, заставленные стопками книг и инквизиторской атрибутикой. На полу виднелись следы от ботинок большого размера — кто-то ходил здесь недавно.

Чучело ворона стояло на одной стопке книг и смотрело в сторону двери — в мою сторону. В его чёрных глазках-бусинках плясали огоньки свечей. Оно выглядело почти живым. Почти.

Я пристально посмотрел на ворона.

— Внимательней! — одёрнула меня Паладин Зари.

Я увернулся.

Тяжёлая булава размозжила чучело ворона, стоявшего на стопке книг. Чёрные перья взметнулись вверх, оседая медленно, как снег в безветренный день. Голова птицы откатилась в угол, продолжая смотреть на меня пустыми глазницами.

Сестра-инквизитор в красном сюрко, одетом поверх кольчуги, пыталась ударить меня сзади по голове. Опрометчиво с её стороны размахивать булавой в тесной комнате, заставленной книгами и свечами.

Левая рука схватила её за шею, с силой припечатал к стене. Кромвель пульсировал, сдерживая тьму, готовую вырваться. Би взяла под контроль мою голову.

Я лбом дважды ударил по её лицу, разбив нос и рассек ей бровь. Кровь брызнула в разные стороны. Она медленно сползла по стене, цепляясь за остатки сознания.

Я взял булаву и сделал то, что не смогла она.

Запись пятая

Я шёл дальше по коридору, заглядывая в пустые помещения. Ни Аяаны, ни Ми.

Возле одной из дверей собралась лужица какой-то маслянистой жидкости, капающей с потолка. Она переливалась в свете факелов, будто живая, и пахла чем-то странным, отдалённо похожим на серу.

Я приоткрыл дверь.

Внутри было темно. Только слабое, зеленоватое свечение исходило откуда-то снизу. Я шагнул внутрь и увидел.

Огромная дыра в полу. Она уходила вниз, в бесконечность, в самую глубину. Казалось, она ведёт в недра тверди, до самого ядра Земли.

Дыра была живой.

Она пульсировала. Края её шевелились, будто дышали, и оттуда, из глубины, доносился низкий, протяжный гул. На стенах фосфоресцировали огромные защитные символы, сдерживающие бурный рост этой аномалии.

Леди-инквизитор стояла рядом с дырой. Она смотрела вниз, на пульсирующую тьму, и чего-то ждала. Её серебристый доспех тускло блестел в зеленоватом свете, руки были сложены на груди. Она не слышала меня. Не чувствовала.

Я подошёл сзади. Бесшумно. Медленно. Левая рука сжалась в кулак, готовая к действию, но я не стал использовать Кромвеля. Не сейчас.

Я просто толкнул её в спину.

Она не закричала. Только всхлипнула, когда поняла, что падает. Её руки взметнулись вверх, пытаясь ухватиться за край, но было поздно.

Она исчезла в глубине. Гул стал громче на мгновение, а потом затих.

Я посмотрел вниз. Тьма смотрела на меня в ответ. Она меня больше не пугала.

Я закрыл дверь и пошёл дальше. Коридор вывел меня в просторный холл, где на посту возле хрустального ящика с трофеями стояли две леди-инквизитора в красных сюрко и кольчужной броне. В руках у одной был топор, у другой — булава.

Завидев меня, спокойно идущего в их сторону, они напряглись. Переглянулись. И кинулись в атаку, размахивая оружием.

Паладин Зари контролировала мои движения. Я почти не участвовал — только наблюдал, как моё тело ловко уворачивается от топора. Би была быстрее. Гораздо быстрее. Топор вонзился в стену, выбив сноп искр.

Я поднял левую руку. Кромвель пульсировал, готовый.

«Проклятие».

Но не прямое, как раньше. Я пропустил тьму через себя. Через пятую преграду. Через душу, которая резонирует с магией.

«Благословение древнего зла».

Тьма обволокла меня, нежно обняла и впиталась в кожу, в мышцы, в кости. Тело наполнилось силой — чужой, холодной, но не враждебной.

Теперь я понимал, как чувствовал себя Борисыч после такого.

Я почувствовал прилив сил. Мои движения стали быстрее — или мир вокруг просто замедлился. Я видел каждую каплю пота на лице инквизитора, каждый её шаг, каждое движение булав. Я мыслил яснее. Холоднокровней.

Вот сейчас я вижу, куда именно она пытается ударить. Мне по коленной чашечке. Удар будет через секунду.

— Мы подпрыгнем? — уточнил я у Паладина Зари. — Подпрыгнем?

— Подпрыгнем, — спокойно поддержала она. — И не только.

Я подпрыгнул и ударил ногой в воздухе прямо в голову этой леди-инквизитора. Я услышал, как хрустнул позвоночник. Она рухнула на пол, даже не вскрикнув.

Вторая, с топором, замерла на мгновение. Этого хватило.

Би развернула меня, и левая рука, уже без команды, схватила древко топора. Кромвель дёрнулся, и оружие вылетело из рук инквизитора.

— Сдавайся, — сказал я.

Она не ответила. Кинулась на меня с кулаками.

Я вздохнул.

Правый хук. Левый апперкот. Удар в корпус. Она осела на пол, сознание стремительно её покидало.

— Бить женщин не самое благородное занятие, — сказал я, вытирая вспотевшие руки о сюрко поверженной. — Но если женщины схватили тебя в плен, отобрали самое дорогое, что у тебя было то, наверное, немного их побить стоит.

Запись шестая

Из холла дороги вели в три направления. Вверх по лестнице на второй этаж, в другое крыло здания и на улицу. Без благословения древнего зла любой из вариантов был бы для меня ошибочным, поэтому я решил, что сейчас любой из вариантов будет правильным.

Конечно, хотелось немного задержаться в корпусе инквизиторов и выместить своё негодование на этих женщинах, но поиск Ми и Аяаны был приоритетной целью.

Или улица, или второе крыло.

Второе крыло.

Я пошёл туда.

Небольшие борозды, тонкие и глубокие, тянулись до ближайшего кабинета корпуса. Следы от когтей? От меча? Или от чего-то, чему я ещё не находил названия. Я приоткрыл дверь и увидел комнату, залитую свежей кровью.

Тёмные кирпичные стены кабинета были забрызганы красным. На полу, на столе, на стеллажах с книгами — пятна и лужи. Кровавый след тянулся до стены и исчезал за окном. Жертва

могла убежать, но две отрубленные ноги, лежащие на полу, говорили мне о другом — жертва улетела.

В другом помещении пахло курицей и свежими листами бумаги. Запах был таким домашним, почти уютным, что я на мгновение забыл, где нахожусь. За столом перед открытой книгой спала пухлая жрица. В одной руке она держала куриную ножку, а вторая придерживала голову, как подушка. Она тихонько посапывала, и мне показалось, что она даже улыбается во сне.

Книга была абсолютно пустой.

Ни строчки, ни пометки. Только чистые, белые листы бумаги, сшитые между собой усердными монахинями. Я аккуратно, стараясь не разбудить жрицу, взял книгу и откусил кусочек курочки. Мясо было холодным, но вкусным.

Та книга, которую вы держите сейчас в руках и читаете эти строки, была мною позаимствована у этой спящей леди.

— Спасибо, — прошептал я.

Она не ответила.

Запись седьмая

Я вернулся в холл, где лежали две леди-инквизитора, и задумчиво посмотрел на них. Все, кого я встречал, были эльфами — высшими, лесными, тёмными, а также полуросликами и даже дварфийками.

Но я не был уверен: возможно, это были просто очень толстые полурослики. Женщин-дварфов я никогда не видел.

И все жертвы, что я видел в подземелье, были людьми. Не орками, не эльфами, а только людьми. Это лишь подтверждало слова Пандоры из моего видения.

Большие двери вели на улицу. Я приоткрыл одну и встретился лбом ко лбу со жрицей, которая предлагала мне писать кровью на стенах.

Левая рука сама рванулась вперёд. Кромвель затащил её в помещение и сильно сжал горло.

— Где они? — Я говорил медленно. Чем медленнее я задаю вопросы, тем меньше воздуха остаётся в лёгких жертвы и тем стоворчивее она становится.

— Кто? — прохрипела жрица, хватая ртом воздух.

Надо быть более точным при допросах. Была бы Аяана, она бы быстро разговорила жрицу Норхат. Я невольно улыбнулся.

— Девочка, наёмница, оружие, — перечислил я, сжимая её горло сильнее.

— Рыжая... у Матриарха, — прохрипела она, указывая пальцем в сторону. — Девочка... в соборе.

— А оружие? — Я нетерпеливо сжал ещё сильнее. Я не получил полный ответ.

— Я не знаю, — хрипела жрица, её глаза начали закатываться. — Изъяли. Тихий Гром... в церкви Норхат... наверное.

Жрица обмякла.

Передо мной стоял выбор: спасти Ми или Аяану. На самом деле выбора не было совсем. Нужны были обе, но с Аяаной вдвоём было куда как легче и приятнее зачищать это логово порока.

Я прихватил булаву одной из инквизиторов. Меч был бы удобнее, но что я за жрец, если не умею пользоваться булавой и не уважаю древние жреческие традиции.

Я усмехнулся и выглянул за дверь.

Мощёная дорога из серого камня вела к мраморному фонтану и квадратному бассейну, опоясанном балюстрадой. Вычурно. Дорога расходилась в разные стороны: с одной стороны опираясь в белоснежное двухэтажное поместье — скорее всего, это и была резиденция матри-

арха церкви святой Норхат; с другой — тропинка петляла и уходила за здание корпуса инквизиции.

Одинокая монашка спешила по своим делам. Я вспомнил, будучи ещё послушником в Нуа, как сердце моё трепетало при виде красивой монашки. Теперь же сердце моё билось спокойно, размеренно и хладнокровно.

Я выскользнул из здания, стараясь держаться в тених, и направился к резиденции матриарха.

Перемещаясь вдоль высокой каменной стены с булавой в руках, я старался быть незаметным. И, кажется, у меня это получалось. Можно было поджечь корпус инквизиции, отвлечь внимание на пожар и спасти Аяану. Но лишняя паника могла сыграть против меня. Разыгрывать плохие карты с каменным лицом я не умел. Да и никогда не любил азартные игры, так что выбор был очевиден.

Я попытаюсь пробраться в резиденцию незаметно, через какое-нибудь окно, в лучших традициях Гаррета.

Идти напрямую было безрассудством. Перед входом стояли две сестры-протектора — вооружённые длинными мечами и прямоугольными щитами. Они загоразивали своими спинами резные колонны, уходящие в капители, вырезанные в виде сотни кленовых листков. Было очевидно, что эти жрицы на голову выше в своём боевом искусстве, чем те, что попадались мне ранее. Они застыли перед входом в резиденцию матриарха, как два каменных изваяния.

— Осторожнее с ними, — предупредила Паладин Зари. — Выглядят опасными.

Я бесшумно обошёл здание.

Окно нашлось с тыльной стороны — заросшее плющом, но не запертое. Я аккуратно приоткрыл створку, просочился внутрь и замер.

Глава 3. Записи с восьмой по одиннадцатую

Запись восьмая

Замер, потому что на меня смотрела старая дварфийка.

Сгорбленная женщина в монашеских одеяниях смотрела на меня немигающим взглядом. Я до этого никогда не видел женщин-дварфов, но слышал, как их описывают старшие жрецы. Теперь я видел всё. Неудивительно, что дварфы-мужчины много пьют и часто уходят из дома навстречу приключениям.

— Матьерь свята, ты кто? — спросила меня бабка.

Я лихорадочно изобретал, что же придумать. Сказать правду? Ударить? Вряд ли. Похоже, эта старая женщина не делала ничего плохого в своей жизни, кроме плевок в ужин матриарха. А в текущих обстоятельствах за это нужно награждать, а не наказывать.

Стоя на корточках на большом кухонном столе, прислоненном к окну, я решил импровизировать.

— Ландрион, — пафосно ответил я. — Внеплановая проверка монастыря. Ревизор из Храма Богов.

Иногда у меня получалось импровизировать, иногда нет. Дни разные бывают. Я слышал имя Ландриона — множество жутких историй о его внезапных визитах в храмы и монастыри. Почему-то я решил стать тем, кого до жути боятся мелкие жрецы.

— Богинюшка святая, — прошептала бабка, раскрыв глаза очень широко. Лицо покрылось сетью морщин, складки заходили ходуном. — Сам наводящий шухер собственной персоной.

— Он самый, — спокойно ответил я. — Я тут тайно. Никто не должен знать.

Я поднёс палец к губам и шикнул, заговорщицки посмотрев по сторонам.

— Есть нарушения? — играя свою роль, тихо спросил я. — Тебе воздастся.

Бабка отрицательно замотала головой. Первый шок прошёл, и теперь её душу наводнил страх.

Я тем временем слез со стола и посмотрел на разделочную доску. Булаву я не успел затащить в помещение — это было и плохо, и хорошо. Ну какой ревизор ходит с булавой? Только если очень дотошный.

— Это что? Рыба? — начал я тыкать в полувыпотрошенную рыбёху. — На ужин уха?

Бабка кивнула, потом замотала головой. Ответы на два вопроса были даны молча.

— Ладно, — сказал я. — Продолжай готовить. Я сам всё осматрю.

— А как же... — начала она.

— Никак, — перебил я. — Никому ни слова.

Бабка кивнула и, дрожащими руками взяв нож, вернулась к рыбе.

— Там что? — я указал в сторону комнаты справа. — А это что?

Я возмущённо посмотрел на рыбу. Внутри лежала чёрная жемчужина.

— Не гневись, — взмолилась бабка. — Я не в ответе, что жрёт глупая рыбёха!

Я взял жемчужину в руку и повертел с разных сторон. Такая же, как ту, что вручил мне рыболод в моём видении. Это выглядело странно и пахло рыбой. Если бы не видение, я не обратил бы внимание на содержимое желудка рыбы.

— А если бы матриарх съела и подавилась? — давил я. — Кто бы взял на себя ответственность? Рыба?

Бабка покраснела. Ей было нечего ответить.

— Забудем про этот инцидент, — успокаивающе продолжил я. — Так что там?
— Тама охрана, — пробормотала старая дварфийка. — Тута комната служек и вторая лестница наверх.

Идеально.

Я взял длинную деревянную ложку со стола. Был нож, вилка, скалка, но я почему-то взял ложку.

— Это нужно для отчёта, — деловито сообщил я, кладя ложку в карман.

Бабка кивнула. Мало ли какие отчёты бывают, всякое случается.

Я положил жемчужину в карман к ложке и отправился в комнату служек.

— Это что-то странное, — сказал женский голос в моей голове. — Откуда она здесь?

Я не имел ни малейшего понятия, что это за жемчужина. А вот Паладин Зари, похоже, видала такие.

— В рыбе была, — с издевкой мысленно ответил я. — Она может пригодиться?

— Она должна пригодиться, — ответила Паладин Зари. — Это чёрная бомба.

— Я не знаю, что такое чёрная бомба, — сказал я. — Какой-то термин паладинов?

— Не только, — ответила она. — Это артефакт. Одноразовый. Разрушает всё в радиусе ста метров.

Жаль, досталась только одна. В монастыре Норхат разрушать и разрушать.

Пройдя по пустому помещению с кроватями и шкафами, я увидел крепкую деревянную лестницу на второй этаж. Через неё слуги приносили ужин матриарху.

Мягко шагнув на ступеньку, я прислушался.

Запись девятая

— Как активировать меч Вейландры Рей? — сказал женский властный голос. — Отвечай. Кажется, я как раз вовремя. Тихо шагая по ступенькам, я прислушивался к разговору. Голоса становились громче.

— Я ничего не знаю, — отвечала наемница. — Не было такого.

— Не ври мне, — угрожающе выкрикнула женщина. — Мы прочли дневник колдуна. Там говорилось о том, что ты использовала силу Тихого Грома.

Они читали мой дневник! Это ведь очень личное.

Я почти был на вершине лестницы. Небольшое помещение отделяло меня от того, чтобы вмешаться в беседу.

— Чтобы его активировать, — дерзко отвечала Аяана, — нужно засунуть меч в задницу жрице Норхат по самую гарду.

Это могло бы подействовать. Хороший метод активации. Вряд ли был предусмотрен тем, кто создал этот артефакт, но я не отрицаю тот факт, что в мире существует какой-то другой артефакт, который активируется именно таким способом.

Наш мир безумен.

Был слышен громкий шлепок. Похоже, за шутку наемница получила свои аплодисменты.

— Дрянная девчонка, — продолжал властный голос. — Сначала я предам тебя анафеме, а потом сожгу на костре как ведьму.

— Попробуйте, — сплёвывая, продолжала язвить Аяана. — Я найшу на вас сто лет диареи.

Я заглянул в дверной проём.

Рядом с Аяаной, стоящей на коленях, находились две сестры-протектора в сияющих доспехах. Одна из них держала меч у горла наемницы. Вторая скрестила руки на груди.

Шищный взгляд Аяаны был устремлён в сторону трона, возле которого стояла тёмная эльфийка в латных доспехах. Что-то мне подсказывало, что это не матриарх.

— Леди-приор, — обратилась одна из сестёр-протекторов, держащая меч у горла Аяаны, — разрешите обратиться?

— Леди-приор Арабеска, — злобно поправила властная женщина свою подчинённую. — Как ты смеешь прерывать допрос?

— Мне надо по монашеским делам, — неуверенно ответила сестра-протектор. — Можно отойти?

Арабеска вздохнула и махнул рукой, разрешая удалиться.

Вторая сестра-протектор заняла её место и обнажила меч, приставив к горлу Аяаны со связанными руками за спиной.

Не матриарх, но тоже сойдёт.

— Их осталось двое, — заметила Паладин Зари. — Надо действовать.

Я посмотрел оценивающе на Арабеску. Древнее зло в моей руке как-то неуютно сжалось. Понятно, она сильная. Я перевел взгляд на сестру-протектора с мечом у горла Аяаны. Левая рука запульсировала.

Я вышел в зал матриарха с улыбкой и, хлопая в ладоши, двинулся к ним. На меня смотрели с удивлением три женщины.

Запись десятая

— Bravo, — сказал я. — Отличный спектакль. Леди-приор Арабеска, вы просто великолепы. Но боюсь, я вынужден прервать ваше представление.

— Ты кто? — спросила Арабеска, прищурившись.

— Я — тот, кто забирает своё, — ответил я.

Я поднял левую руку. Фиолетовые частицы закружили вокруг сестры-протектора и потухли. Проклятие не подействовало.

Чёрт. Откат.

Такое бывает, если часто используешь заклинания. Я чувствовал, как магия пульсирует, но не вырывается наружу.

— Глупый колдун, — усмехнулась Арабеска. — Думал, что сможешь использовать свою злую магию в покоях матриарха?

В тот момент я так и думал. Ну правда, почему бы и нет?

— Бывают дни, — сказал я, опуская руку. — Когда даже древнее зло устаёт.

— Бывают, — согласилась Арабеска. — И что ты теперь будешь делать?

— Импровизировать, — ответил я и шагнул назад.

Она с любопытством наблюдала за мной, как я пячусь назад к выходу.

Я вышел в дверной проём. Вот оно. Это был не откат — рука снова запульсировала. Комната была защищена от использования заклинаний внутри, но не снаружи.

Ухмыляясь, я поднял свою руку и сжал пальцы в кулак. Левая рука выплеснула тьму. Фиолетовые частицы закружили вокруг сестры-протектора. Она пошатнулась, выронила меч и рухнула на пол.

В этот же момент, воспользовавшись ситуацией, Аяана перехватила меч и попыталась перерезать верёвки. Неумело, угловато. Но кто вообще учится тому, чтобы перерезать верёвки у себя за спиной мечом сестры-протектора, которая лежит и блюёт кровью?

Леди-приор рванула к наемнице, но я оказался быстрее. Я перехватил Арабеску, пытаюсь её схватить и повалить. Мне это то удавалось, то не удавалось. Я не был борцом, но выиграл немного времени для того, чтобы Аяана наконец освободила руки.

Арабеска приложила меня к земле и вероломно заломала руку.

— Глупый колдун, — шипела леди-приор, — ты действительно думал, что сильнее меня?

— Я — нет, — пытаюсь говорить в пол и дышать одновременно, произнёс я. — А вот она — может.

Аяана держала длинный меч в руке и шла к леди-приор.
На лице наемницы застыла зловещая улыбка.

Запись одиннадцатая

Арабеска отпустила меня. Я не представлял опасности в этом зале. Я был слаб, не мог использовать заклинания и плохо шутил.

Аяана медленно приближалась.

— Хочешь, покажу, как я активирую этот меч? — злобно произнесла наемница.

— Дай угадаю, — Арабеска стояла напротив наемницы и сложила ладони лодочкой на груди. — Засунешь в меня по самую гарду?

— Именно, — произнесла Аяана и посмотрела на меч.

Я тоже обратил внимание. Меч в руках Аяаны менял цвет — с холодной стали на ярко-оранжевый.

«Раскалённый металл».

Это было нечестно. Фирменное заклинание богини Норхат, которое нагревает металл докрасна. Жертве, держащей такое оружие, нужно либо выкинуть его, либо получить ожог.

Выбор был очевиден.

Аяана вскрикнула и откинула меч в сторону. Он звякнул об пол и откатился к стене, оставляя за собой чёрный след на белоснежных каменных плитах. Если с оружием это можно проделать моментально, то вот латы снимаются минут десять, а нагретые — и того быстрее. Всё равно как ни старайся — получишь ожоги.

— Я его слегка разогрела для тебя, — улыбнулась леди-приор Арабеска. — Что теперь?

Я всё ещё лежал на полу и шарил в кармане. Бомба. Чёрная бомба. Сейчас мы тут устроим разрушение. Но вытащил ложку.

Ладно, не устроим. Пока не устроим.

Я метнул ложку в сторону Аяаны. Она прокатилась по гладким плитам к её ноге.

Наемница подняла ложку и посмотрела на меня.

— Чё это? — удивлённо спросила Аяана.

Но в ответ я поднял большой палец вверх и улыбнулся.

В этой глупой, немой сцене послышался тяжёлый вздох Арабески. В нём читалось что-то вроде: «Богиня, ну почему мне приходится работать с идиотами? Мы поймали колдуна Огнев-верхой горы, а тот оказался дебилом с ложкой. Не мог что ли принести нормальное оружие на битву?»

Аяана покрутила ложку в руке и зажала её как короткий меч, под недоумевающий взгляд леди-приор.

В другой руке появилась призрачная ложка. Наемница использовала эхо.

Теперь у неё в руках были две боевые ложки.

Глава 4. Записи с двенадцатой по четырнадцатую

Запись двенадцатая

Если бы существовала школа кулинарных боевых искусств, то, думаю, Аяана смогла бы там преподавать. Она угрожающе скрестила ложки перед лицом и кинулась в атаку на леди-приор Арабеску.

— Ну давай, — поманила тёмная эльфийка рукой наемницу. — Покажи, что умеешь.

Градом удары сыпались на леди-приор, но та не уступала в скорости Аяане и отражала атаки стальными наручами. Деревянные ложки звонко стучали по металлу. Аяана не столько наносила удары, сколько теснила противницу ближе к трону, лишая её пространства для манёвра. Каждый шаг Арабески назад был шагом к её поражению.

Я в этот момент безучастно стоял и смотрел. Но не на битву — на битву, конечно, тоже, — но я искал. Искал артефакт, который блокирует мои заклинания в этом помещении. Где-то здесь, среди этой вычурной роскоши, пряталась та самая штукавина, которая делала меня беспомощным.

Большой письменный стол напротив окна, на нём лежали какие-то бумаги и писчие принадлежности. Два изящных кресла палисандрового дерева с голубой обивкой поставлены возле стола прямо на шкуру красного дракона.

Бедный дракон. Или не бедный — кто его знает, может, заслужил.

Далее картина на стене с изображением Норхат — огненно-рыжая богиня стояла с завязанными глазами, держась за рукоять двуручного меча подле себя. Слепая, как и все фанатики.

Возможно, картина обладает магическими свойствами. На всякий случай я плюнул в лицо Норхат — пока она не видит, для проверки. Картина не среагировала, жаль, конечно. Артефакт не нашёл, но удовольствие получил. Слюна медленно скатилась по застывшему лику богини, и мне стало немного легче на душе.

Тем временем леди-приор взяла инициативу на себя. Она активировала скрытое лезвие. Стальной клинок со скрежетом появился над тыльной стороной её правой ладони. Парировать деревянной ложкой такое было бы сложно — одна попытка, и ложки не будет. Сталь свистела в воздухе, разрезая его на тонкие ленты.

Аяана отступала, но не сдавалась.

Мой взгляд упал на маленький столик ниже картины. Раньше я его не замечал — слишком мелкий, слишком невзрачный на фоне всей этой помпезности. На нём, на серебряной подставке, стояло инкрустированное позолоченное яйцо с самоцветами.

Вслед за моим взглядом на яйцо упала скатившаяся по картине слюна. Моя. Капля попала прямо на золотую скорлупу.

Яйцо как-то странно среагировало. Как будто еле заметная рябь прошла по его поверхности.

Яйцо было тёплым, почти горячим, как только что испечённый хлеб. Пальцы ощутили под гладкой поверхностью что-то вроде пульсации.

Я взял яйцо в руку и окрикнул Арабеску.

— Леди-приор! — крикнул я, поднимая яйцо над головой. — Можно я это сломаю?

Арабеска обернулась. Её глаза расширились. В них мелькнул настоящий, неподдельный ужас — не тот, что она показывала раньше, играя на публику, а настоящий, животный страх.

— Не смей! — крикнула она.

Но было уже поздно. Моя левая рука сжала яйцо.

Запись тринадцатая

Никогда не был в ситуации, в которой так много событий происходили в один краткий миг.

Я сжимаю яйцо. Арабеска кричит: «Не смей!» Аяана в этот момент бьёт её ложкой по челюсти. На пороге кричит сестра-протектор, которая отходила по маленьким делам, а вернулась — тут происходят уже большие.

В следующее мгновение: я сжал яйцо, и оно лопнуло. Скорлупа треснула, и изнутри вырвался не свет — нет, что-то другое. Импульс? Я не успел понять. Я видел, как вылетает зуб леди-приор из открытого рта. Сестра-протектор бежит в нашу сторону, но спотыкается на полпути.

В следующее мгновение: поток воздуха вырывается из недр яйца, отбрасывая меня в картину. Я врезаюсь спиной в раму, Норхат вздрагивает на холсте, но не падает. Арабеска плюёт кровью, падает на одно колено. Аяана бьёт её второй ложкой по затылку, как по перезревшей тыкве. Сестра-протектор кидает что-то круглое, какой-то медальон, в сторону Арабески. Тот скользит по гладкому белому камню пола, как по льду, и останавливается прямо у колена леди-приор.

Следующее мгновение: я падаю на пол. Спина болит, но это неважно. Арабеска хватается медальон. Аяана засаживает ложку, держа за черпало, между сочленений доспеха, куда-то под ребро. Я чувствую пульсацию Кромвеля. Защита снята.

Следующее мгновение: я встаю. Сжимаю левую руку. Леди-приор охватывает жёлтый свет — золотой, магический. Аяана стоит с эхом ложки в руке и смотрит на место, где только что была Арабеска. Сестра-протектор лежит на земле лицом вниз и, кажется, тихо посапывает.

Запись четырнадцатая

Мы связали сестру-протектора верёвками, которые нашли в одном из ящиков стола. Усадили её на стул из палисандрового дерева. Дорогая мебель, инкрустация, но подлокотники уже были исцарапаны — видимо, прежние пленники тоже не сидели смирно.

Аяана устроилась за столом, как королева на допросе. Положила ногу на ногу, откинулась на спинку. Я стоял рядом, скрестив руки на груди. Теперь допрос вели мы.

— Куда делась Арабеска? — холодно задала тон допросу наемница. Голос словно лёд, который только что достали из погреба.

— Она в соборе Норхат, — не раздумывая, сообщила пленница. Глаза у неё были ясные, без страха. — Амулет быстрого перемещения не может переносить на дальние расстояния.

— А есть ещё такой? — с интересом спросил я, подаваясь вперёд.

— Есть. Но в церковь, — уточнила пленница, дёрнув плечом. — У меня тут в кармашке.

Аяана посмотрела на меня, уточняя:

— Где ты там говорил, мой меч?

— Наш меч, — непроизвольно поправил я. Привычки Паладина Зари начали потихоньку передаваться мне. — Тихий Гром в церкви, вроде. А мой, Талиесин

— Ваш меч — в корпусе экзорцистов, — уточнила сестра-протектор. — Его исследуют.

Я скривился. Исследуют. Значит, пытаются понять, как он работает. Паладин Зари в моей голове молчала, но я чувствовал её напряжение.

— А мой дневник? — спросил я. Если уж расспрашивать, то расспрашивать всё.

— У матриарха. Она тоже в соборе.

Аяана злобно ударила кулаком по столу. Бумаги подпрыгнули, чернильница чуть не опрокинулась.

— Не попытаться даже, — выдохнула наемница с искренним сожалением. — Ну как так? Всё сама выложила!

— А это не секреты вовсе, — спокойно ответила сестра-протектор. — Всё равно вам не победить. Смысл прятать сведения? Скоро в собор прибудет сама Норхат. Ваша девочка её заинтересовала.

Я почувствовал, как внутри похолодело. Ми. Она заинтересовала богиню.

Пока пленница разглагольствовала, я шарил по её карманам. Сестра-протектор дёргалась, но верёвки держали крепко. В одном кармане — мешочек с вяленным мясом. В другом — круглый амулет с символом богини Норхат.

Я отправил в рот кусок вяленого мяса. Сухое, жилистое, но чертовски вкусное. Не знаю, что за зверь, но его явно забивали с молитвой.

Передал остальное мясо Аяане. Она откусила кусочек, не глядя, и, размахивая отгрызком, продолжила допрос:

— Ну давай так. Как тебя зовут?

— Анабель.

— Хорошо, Анабель. Дай мне повод причинить тебе боль?

Сестра-протектор уставилась на нас широко раскрытыми глазами. Но не от страха. Она смотрела на своё вяленое мясо, которое мы жевали с таким аппетитом, будто это был последний ужин.

— Зачем? — спросила она, но в голосе уже не было уверенности.

— Удовольствие получаю, — ответила Аяана, жуя.

— Верните мясо, пожалуйста.

— Нет, — я улыбнулся, жуя, и положил руку на плечо наемницы. — Кажется, мы нашли способ пытать эту жрицу.

Анабель молила о пощаде. Мы слушали с каменными лицами и жевали. Она просила не съедать всё. Но мы были жестоки.

— А как активировать амулет? — я вертел в руках круглый знак Норхат. Тёплый металл чуть поблескивал на свету. — Надо потереть или лизнуть?

— Потереть, — прошептала Анабель, глядя на почти пустой мешочек. — Просто потереть большим пальцем.

— И что будет? — спросил я.

— Вы переместитесь в то место, на которое настроен амулет.

— То есть в церковь?

Анабель молча кивнула. Её взгляд то и дело возвращался к остаткам вяленого мяса на столе.

— А перенесусь только я? — уточнил я детали.

— Нет, до трёх персон, если они в группе, — ответила сестра-протектор и тут же добавила с мольбой в голосе: — Верните мясо, а? Кормёжка тут по расписанию и не очень вкусная. Не хотелось бы лишиться перекуса.

— Ладно, — я бросил остатки на стол и потер пальцем амулет, держа другой рукой за плечо наемницу.

Ничего не произошло.

— Че не так? — спросила Аяана, косясь на меня. — Ты трёшь?

— Да натираю как колдун свой жезл, — начал оправдываться я, усиливая нажим. — Ничего не происходит.

— Плохо трёшь, дай мне.

Аяана теряла терпение. Она выхватила амулет из моих пальцев, сжала его в кулаке и с ожесточением трёрла большим пальцем по гладкой поверхности. Раз, другой, третий.

Тишина.

— Анабель, — Аяана повернулась к пленнице. — Что за хрень?

Анабель хохотнула.

— Что смешного? — уточнил я.

— Ничего, — с улыбкой ответила сестра-протектор. — Только те, кто верует в Норхат и чья вера крепка, могут использовать амулет перемещения.

— Так и знала, — буркнула Аяана.

Она снова принялась тереть амулет, на этот раз с таким усердием, будто пыталась зажечь огонь трением.

— Норхат, услышь меня, — прошептала она. — Я твоя верная слуга. Я убивала во имя твоё. Помоги мне переместиться, мать твою.

Ничего.

— Не работает, — констатировал я.

— Вижу, не слепая.

Аяана задумалась. Потом посмотрела на Анабель.

— До трёх в группе, говоришь?

Глава 5. Записи с пятнадцатой по восемнадцатую

Запись пятнадцатая

Итак, Анабель в обмен на оставшееся вяленое мясо согласилась использовать амулет перемещения. Сделка была заключена быстро и без лишних сантиментов. Я честно отдал ей последний кусок, который у нас остался. Она смотрела на него с такой тоской, будто это был не просто сухой жилистый продукт, а последний подарок от любимого человека. Должно было остаться больше, но допрос длился слишком долго.

— Спасибо, — прошептала Анабель, зажав мясо в связанных руках.

— Не за что, — ответил я. — Делай своё дело.

Аяана тем временем ходила по помещению и что-то выискивала глазами. Она осматривала пол, заглядывала под стол, даже заглянула за картину с изображением Норхат, но там была только пыль.

— Что ты ищешь? — спросил я, наблюдая за её кругами.

— Трофей, — задумчиво произнесла наемница, поднимая с белоснежного пола валяющийся меч сестры-протектора.

К слову, меч Анабель забрал себе я. Не люблю кулачные бои — я их проигрываю. А с железом в руках у меня появляется призрачный, но шанс.

— Нашла! — счастливо ответила наемница и поднесла поближе свою находку. — Трофей!

Она держала между пальцев маленький предмет. Я присмотрелся.

Это был выбитый зуб леди-приор Арабески. Белый, с неровным сколом, у корня — засохшая, но всё ещё алая капля.

— Ты серьёзно? — спросил я.

— Абсолютно, — ответила Аяана, пряча зуб в карман.

— Может быть, вы меня развяжете? — уточнилась Анабель. Она сидела на стуле, связанная, и смотрела на нас с надеждой.

— Нет! — вместе сказали мы с Аяаной.

— Но я же вам помогаю! Это нечестно! — возмутилась Анабель.

— Это жизнь, — сказал я и положил руку на её плечо.

— Три давай свой амулет, — приказала наемница, положив руку ей на другое плечо.

Анабель провела пальцем по гладкому камню. Амулет полыхнул тусклым, неприятным светом. Мир сжался, вывернулся наизнанку — и выплюнул нас в холодном полумраке церкви Норхат.

Запись шестнадцатая

В этой полукруглой, залитой светом апсиде располагался алтарь для богослужений. Красный ковровый настил отделял её от центрального нефы. Над алтарём находилась фреска — На ней богиня Норхат в голубом одеянии протягивала вперёд (к алтарю) руки с открытыми ладонями вверх. Вокруг ладоней скользила тонкая блестящая лента.

Мы появились прямо перед алтарём. Я — с правой стороны, Аяана — с левой, а Анабель — связанная на стуле — посередине.

Монахиня, молившаяся перед нами, подняла голову. Глаза её расширились, и она недоумённо спросила:

— Анабель, что это опять за проделки?

Похоже, Анабель была белой вороной в монастыре Норхат.

— Аббатиса, я не специально они съели моё мясо! — всхлипнула Анабель.

— Мы пришли с миром, — прервал я оправдания сестры-протектора. — Мы не желаем вам зла.

— Нет, желаем, — вмешалась Аяана. — Возвращайте меч и проваливайте в свою церковь.

— Милочка, мы и так в церкви, — спокойно ответила аббатиса и обратилась к Анабель:

— Ты спуталась с колдуном и лжесвятой?

Лжесвятая. Так Аяану ещё никто не называл. Если бы они знали её получше, то использовали бы термин «антисвятая», или даже нет, «антисвятая» — хорошее прозвище для Аяаны.

— Как ты меня назвала? — Аяана злилась.

— Дамы, дамы, — пытаюсь замять недоразумение, я размахивал руками. — Нельзя драться в церкви. Это грешно.

Моё старое обучение давало о себе знать. Аббатиса посмотрела на меня с лёгким презрением.

Аяана топнула ногой.

— Хватит болтать! Где меч?

Аббатиса вздохнула.

— Милочка, это меч Вейландры Рей, Святого Паладина Ордена Алой Розы, — начала отчитывать наемницу аббатиса. — Вы являетесь хоть кем-то из перечисленных? Вы Вейландра Рей? Вы святая? Вы паладин

Аббатиса не договорила, так как я зашёл за спину и ударил ей по затылку ребром ладони. Мою правую руку взяла под контроль Паладин Зари, которой тоже уже надоело слушать это.

— Нудная, — всё, что сказала женщина в моей голове.

— Ладно, ладно, как скажете, — Аяана подняла руки на уровне плеч, соглашаясь с бессознательной аббатисой. — Сама поищу, раз недостойна принять его из рук жриц.

— Валим, — предложил я.

Мы побежали по длинному коридору, но остановились.

— А я? — чуть ли не плача спросила Анабель. — Вы меня оставите вот в таком виде?

— А что ты предлагаешь? — удивлённо спросила Аяана. — Раздеть тебя?

— Нет! Освободить! — умоляла Анабель.

— А зачем нам это? — задал я резонный вопрос. — Дальше мы сами как-нибудь справимся.

— Вы не знаете, где Тихий Гром, — хитро улыбаясь, сообщила Анабель. — А я знаю.

Запись семнадцатая

— Налезо, — командовала сидя на стуле Анабель. — Теперь направо!

Мы с Аяаной тащили стул, на котором сидела связанная сестра-протектор. В полном доспехе она была тяжёлой, и я уже задумывался о предложении Аяаны её раздеть. Капли пота скатывались по бровям, попадали в глаз. Я тащил стул сгорбившись и с одним глазом, как пират.

— Долго ещё? — спросил я.

— Нет, — ответила Анабель. — Вот теперь направо. Всё.

Мы замерли.

На стене этой капеллы фреска рассказывала историю великой воительницы: от детских времён, где отец сражается на деревянных мечях с дочкой, орудуя своей четырёхпалой конеч-

ностью, до Тихого Грома в руках Вейландры, пронизывающего орочью плоть на кровавом поле брани.

На алтаре под фреской лежал медный меч, покрытый зелёной патиной. Тихий Гром.

— Мой красавчик, — Аяана схватила меч.

— Нет, стой! — выкрикнула Анабель, но было поздно.

Тут же наемницу окружил защитный силовой барьер — золотистый полупрозрачный цилиндр от пола до потолка. В центре стояла ничего не понимающая Аяана.

— Эй, вы там, не дурите! — наемница начала гневно ругаться. — Кто меня замуровал?

Из темноты вышла высшая эльфийка в белых струящихся одеждах.

— Так-так. Я ждала колдуна, — её голос звучал с издевкой, — а попалась лжесвятая.

— А зачем мне Тихий Гром? — поинтересовался я. — У меня свой меч есть.

Эльфийка задумчиво посмотрела на меня.

— Ну, это — она замялась. — Это уже не важно.

— Леди Синна! — Анабель вся побелела. Она сидела на стуле спиной к эльфийке, но узнала её голос. — Меня взяли в плен.

— А Анабель, — узнала скулящий голос сестры-протектора леди Синна. — Снова проказничаешь?

— Нет! — отнекивалась Анабель. — Я заложница!

— Я вам тут не мешаю? — поинтересовалась Аяана, стоя в силовом барьере. — Может, отпустите, и я пойду, а вы дальше трепитесь.

— Ну уж нет, — голос леди Синны звучал как сталь. — Ты никуда не пойдёшь

Она снова замялась.

— не сможешь. Барьер, знаешь ли, не даст.

Она говорила нескладно, запинаясь, путалась, но при этом казалась очень сильной. В её глазах не читалась многовековая эльфийская мудрость. Что-то другое. Какая-то сила, дарованная ей при рождении. Очень большая сила.

— Опасная? — мысленно спросил я у Паладина Зари.

— Очень, — кратко ответил женский голос в моей голове.

Я вытер пот со лба рукой и спросил:

— Так что ты нам предлагаешь?

— Умереть, — спокойно ответила эльфийка. — Ну, в смысле, сейчас умереть, а не от старости.

— Да, я понял, — начал говорить я, — но нас это не устраивает.

— А у вас есть выбор? — усмехнулась леди Синна.

Из-за её спины вышли две сестры-протектора, вооружённые мечами и щитами.

Всё бы могло закончиться очень плохо, если бы не Анабель.

Запись восемнадцатая

Я опрокинул стул, и Анабель упала, ударившись головой о каменный пол. Стул жалобно треснул, но выдержал.

— Ай! — вскрикнула связанная девушка, лёжа на полу на перевёрнутом стуле. — Больно!

— Анабель, прекрати! — рывкнула одна из сестёр-протекторов.

— Я думаю, нам — начала леди Синна, задумчиво потирая подбородок. — Мы все согласны, что Анабель пострадала нет, погибла от рук вероломного колдуна.

Я посмотрел на Анабель. Она лежала, безуспешно пытаясь принять хотя бы подобие нормальной позы.

— Так она не погибла, — возразил я. — Я отрицаю всякую причастность к этому злодеянию.

— Да, я ещё жива, — обиженно произнесла Анабель.

— Богиня свидетель, — произнесла вторая сестра-протектор, — твои выходки нам уже всем надоели.

— А, ну ладно, — неожиданно легко согласилась Анабель и начала читать заклинание.

Её голос зазвучал тихо, но уверенно. Слова были незнакомыми, но в них чувствовалась сила. Я понял — другого шанса не будет. Леди Синна бросила молчаливый взгляд на сестёр-протекторов. Те кивнули. Сейчас они нападут.

Я сжал левую руку и выпустил проклятие на одну из сестёр-протекторов. Та как раз занесла меч над Анабель. Фиолетовые искры обволокли её, она пошатнулась и начала тяжело дышать.

В тот же миг Анабель закончила бормотать своё заклинание. Золотистый барьер, сдерживающий Аяану, дрогнул и исчез. Это произошло как раз вовремя — сверху на девушку упала кашляющая кровью сестра-протектор.

Аяана не стала ждать. Она выскочила из бывшей ловушки с прыжка, обрушив Тихий Гром на леди Синну. Медный клинок замер в паре дюймов от её головы.

— Ты думала, это просто? — с улыбкой спросила эльфийка. Потом замешкалась и поправила себя: — Всё будет просто?

— Просто не бывает, — ответила Аяана. — Бывает весело.

Тем временем я парировал атаку второй сестры-протектора. Её меч обрушился на мой с такой силой, что руки загудели до самых плеч. Сталь зазвенела, искры брызнули в разные стороны. Я едва удержал оружие.

Второй удар пришёлся мне по щеке. Я увернулся, но недостаточно хорошо, чтобы не получить урон вовсе. Краем глаза я увидел, как сестра-протектор готовится к третьей атаке. Её лицо было спокойным, профессиональным. Она не торопилась.

— Дай-ка я, — с азартом произнесла Паладин Зари.

Я почувствовал, как контроль над телом ускользает, будто кто-то мягко, но настойчиво отодвинул меня в сторону. Би перехватила инициативу. Наблюдая со стороны, я видел, как мастерски я умею владеть мечом, когда не мешаю себе сомнениями и страхами. Моё тело двигалось плавно, точно, без единого лишнего движения. Каждый шаг, каждый взмах — всё было выверено до миллиметра.

Паладин Зари парировала очередную атаку сестры-протектора. Сталь звонко ударила о сталь, искры брызнули в стороны. И, не раздумывая, Би зарядила косою удар в бронированный панцирь противницы. С виду казалось, что атака пришлась по доспехам и не причинила вреда. Но удар был такой силы, что жертва отшатнулась, и изо рта у неё потекла струйка крови.

— Что? — прошептала сестра-протектор, не веря своим глазам. Она посмотрела на свою грудь, потом на меня. — Как?

Второй удар Би ушёл в щит — противница вовремя опомнилась. Сталь зазвенела, эльфийка отлетела к стене, но устояла на ногах. Её лицо побледнело, руки дрожали.

— Ты там, если свободен, — крикнула Аяана, пытаясь ударить леди Синну снова, но клинок снова останавливался в паре дюймов от её тела, — я бы не отказалась от помощи.

— Она полностью твоя, — пропел я, наблюдая, как Паладин Зари угрожающе идёт добивать сестру-протектора.

Би не спешила. Она сделала шаг, ещё один. Противница пятилась, пока не упёрлась спиной в стену.

Мой удар шёл от головы вниз, прямо на ничего не понимающую женщину. Она вскинула щит и снова уцелела. Похоже, Би устала фехтовать и решила закончить всё грубой силой. Ещё

один удар сверху по щиту — деревянная основа треснула. Ещё один — щит раскололся. Рука, державшая его, уже не так уверенно блокировала удары.

Ещё удар — и щит упал рядом, бесполезный кусок дерева и металла.

Последним ударом Паладин Зари раскроила противнице череп. Тело рухнуло на пол, даже не вскрикнув.

— Всё, забирай, — равнодушно произнесла Би и передала контроль над телом мне.

Глава 6. Записи с девятнадцатой по двадцать первую

Запись девятнадцатая

Я чувствовал себя так, будто по мне пробежалось стадо бизонов йохохо. Руки дрожали, все мышцы звенели от напряжения, в горле пересохло. Мной воспользовались — удовлетворили свою потребность в насилии и бросили с последствиями. Ноги подкашивались, я выронил меч и присел рядом с мёртвой сестрой-протектором, оперевшись головой в её холодный доспех.

— Что с тобой? — поинтересовалась Анабель, пытаюсь высвободиться из своих оков и из-под второй мёртвой женщины, которая лежала сверху. — Помоги мне!

— Я молюсь, — дрожащим голосом сообщил я. Руки и ноги не слушались. — Не мешай.

— В такой удачный — леди Синна запнулась, — неудачный момент.

— Не отвлекайся, — прошипела Аяана, пытаюсь ударить леди Синну, но у неё снова не получалось. — Я тут тебя пытаюсь убить.

Каждый удар Тихого Грома останавливался в паре дюймов от тела жрицы. Это бесило Аяану. Это забавляло леди Синну.

Сил моих хватило только на то, чтобы откинуть меч в сторону Анабель. Клинок со звоном упал рядом со связанной девушкой. Она потянулась, но меч был слишком далеко.

— Ну спасибо, — съязвила Анабель.

Тем временем леди Синна что-то сделала, и справа от неё появилась вторая точная копия. Такая же белая одежда, такие же холодные глаза, такая же насмешливая улыбка.

— Ну вот, дважды — она запнулась, произнося свои слова. А потом вторая добавила: — Теперь нас двое вот.

— Не морочь мне голову, — заорала Аяана.

Леди Синна забавлялась. Она морочила голову наемнице, хотя та и просила прекратить.

Что я мог, слабый и обессиленный в тот момент? Только одно — прибегнуть к помощи древнего зла.

— Кромвель, другой мой, — обратился я к себе сам, — давай-ка благословим нашу наемницу на успех.

Зло в левой руке зашевелилось. Тьма заворочалась, задышала, будто просыпаясь после долгого сна.

«Благословение древнего зла».

Тьма из руки прошла сквозь меня. Липкий холод закрался в душу, сковал сердце, пробрался в самые потаённые уголки сознания. А потом, отразившись от моей пятой преграды, разлился теплом. Не обжигающим, не нежным — каким-то странным, чужим, но живительным. Тепло выплеснулось на Аяану, обволокло её, впиталось в кожу.

— Я чувствую тепло! — удивлённо проговорила наемница. — Меня наполняет жажда

— Хочешь пить? — произнесли две леди Синны одновременно, переглянувшись с одинаково насмешливыми улыбками.

— Нет, — ухмыльнулась Аяана, и в её глазах загорелся огонь. — Жажда крови!

Ужасный крик заполнил капеллу и распространился дальше эхом по церкви. Это была не боль, не страх. Это был боевой клич. Аяану накрыла жажда крови — первобытная, дикая, не знающая пощады.

Она взмахнула Тихим Громом, и медный клинок засветился багровым. Призрачное эхо появилось в левой руке — второй меч, вторая смерть.

- Две? — удивились леди Синны.
— Два, — поправила Аяана и бросилась в атаку.

Запись двадцатая

— Бей левую! — прокричала Анабель, наконец добравшись до меча и пытаясь перерезать себе верёвки. Она тёрла о клинок, не выпуская кусочек мяса из рук. — Левую, я сказала!

— Она сама знает, — хрипло ответил я, поднимая голову от груди мёртвой сестры-протектора. Голова гудела, перед глазами всё плыло. — Она будет бить обеих.

Аяана не слышала нас. Она вообще никого не слышала. В её мире остались только две цели — две леди Синны, стоящие перед ней с одинаковыми насмешливыми улыбками.

Левый клинок — эхо Тихого Грома — ударил по левой Синне. Правый — настоящий, объятый багровым светом, — по правой. Удары были одновременными, точными, безжалостными.

Как только клинки добрались до цели, они не остановились. Послышался звук, отдалённо напоминающий хруст стекла. Что-то в защите леди Синны дрогнуло. Сломалось. Это был звук поражения — мерзкий для уха и сладкий для Аяаны.

Мечи прошли сквозь плоть, разрезая белые одежды обеих жриц. Алая кровь пропитала ткань. Одна из них — я точно не понял, какая из двух — упала на колени. Вторая исчезла, растворилась в воздухе, оставив после себя только золотые искры.

Аяана не любила выбирать. Она ударила по обеим сразу.

Испуганные голубые глаза посмотрели вверх на наемницу. Руки леди Синны зажимали рану на груди, но кровь всё равно текла сквозь пальцы.

— Что произошло? — с ужасом спросила эльфийка.

— Произошла я! — заорала ей в лицо наемница и занесла клинки для очередного удара.

Ну, если не вдаваться в подробности, там был не один и не два удара.

Аяана неистово рубила жрицу. Раз за разом. Тихий Гром вонзался в плоть, выходил, вонзался снова. Призрачное эхо — следом. Кровь брызгала во все стороны, заливая пол, стены, потолок. Леди Синна пыталась защищаться, но её руки уже не слушались. Она что-то кричала, но слов нельзя было разобрать.

Аяана не останавливалась.

Она рубила до тех пор, пока жрица не превратилась в кровавое месиво, разбросанное по всей капелле. Осколки костей, клочья белой ткани, лужи крови — всё смешалось в одну страшную картину.

Тяжело дыша, наемница опустила мечи. Её руки дрожали. Лицо было залито кровью. Чужая кровь капала с волос, с подбородка, с ресниц.

— Она всегда такая? — испуганно спросила Анабель, подходя ко мне. Она уже освободилась от верёвок и теперь смотрела на Аяану с таким ужасом, будто та была князем домена мрака.

— Не всегда, — хрипло ответил я, пытаясь встать на ноги. — Только с похмелья.

Аяана обернулась. Она с ног до головы была покрыта кровью леди Синны. Вся в красном, с горящими глазами, с мечами в руках.

— Че сидим? Пошли за твоим мечом, — приказала наемница.

И в тот момент я не в силах был отказать ей.

Запись двадцать первая

Я шёл, опираясь на плечо Анабель. Ноги ещё не слушались. Каждый шаг давался через силу, и я то и дело ловил себя на мысли, что если бы не эта связанная полчаса назад жрица, то пришлось бы ползти за наемницей.

Впереди, метрах в пяти, Аяана танцевала свой кровавый танец смерти. Он был страшным и нелепым одновременно. Она двигалась не как воин, не как наёмник. Она двигалась как одержимая. Тихий Гром в правой руке, его призрачное эхо — в левой. Мечи мелькали, оставляя в воздухе багровые дуги.

Глупые жрицы пытались встать у неё на пути.

Пытались.

Первая выскочила из бокового коридора с булавой наперевес. Аяана даже не замедлилась — просто шаг в сторону, взмах левой, и булава вместе с рукой упала на пол. Жрица заорала, но быстро смолкла — её перерубили пополам прежде, чем крик набрал силу.

Вторая попыталась атаковать со спины. Сестра-протектор, вся в серебряных бляшках, с мечом и щитом. Аяана развернулась на пятке — я даже не понял, как она её заметила — и рубанула по щиту. Деревянная основа треснула, но устояла. Второй удар — уже эхом — пришёлся по ногам. Жрица осела, и Аяана добила её, даже не глядя.

Третья просто побежала. Я её не осуждал.

Аяана прошла через этих женщин как через сорную траву. И самое жуткое — она даже не запыхалась. Она наслаждалась. На её лице, залитом чужой кровью, застыла улыбка — не злая, не безумная. Счастливая. Как у ребёнка, которому купили первую настоящую игрушку.

Я вспомнил, что она когда-то тоже верила в Норхат. Может, поэтому сейчас её так и распирало? Мечь за старую веру? Или просто кровь ударила в голову?

— С вами надо дружить, — опасливо сказала Анабель.

Она шла справа, поддерживая меня под локоть. Я чувствовал, как она напряжена, — её плечо было твёрдым, как доска. Она не смотрела на Аяану. Она смотрела на лужу крови, которую мы только что пересекли, и старалась не наступить.

— С нами не нужно ссориться, — поправил я.

— Твоя рука, — сказала она вдруг. — Она всегда была такой?

Моя левая рука. Я посмотрел на неё так, будто видел впервые.

Нет. Конечно, она не всегда была такой.

А теперь я смотрел на руку и понимал, что не замечал главного.

Чёрная кожа с фиолетовыми прожилками поднялась до локтя. Целиком до локтя. Сплошной панцирь тьмы, будто кто-то окунул мою руку в вязкую смолу и вытащил, не дав стечь.

— Нет, — ответил я. — Не всегда.

Каждый раз, когда я использую Кромвеля, зло уходит дальше.

Впереди Аяана остановилась. Она стояла посреди коридора, утыканного телами, и смотрела на нас. Её грудь тяжело вздымалась, но дыхание было ровным. Мечи она опустила, но не убрала.

— Чего встали? — крикнула она. — Я достаточно размялась, пора переходить к тренировкам.

Обычное дело. Ещё до полудня Аяана успела вырезать целую церковь.

Глава 7. Записи с двадцать второй по двадцать четвертую

Запись двадцать вторая

За воротами церкви начиналась мощёная дорога. Серая, ровная, уложенная так тщательно, будто каждый камень целовали перед тем, как положить. Дорога расходилась в четыре стороны — как крест, если смотреть сверху.

Деревянный указатель торчал из земли под наклоном, будто его уже разок пытались вырвать и бросить. Надписи были выжжены, кое-где обуглились, но прочитать можно.

Слева — корпус экзорцистов.

Справа — больничные палаты.

Прямо — не написано, но я догадался: Собор Норхат. Туда мы отправимся позже.

За спиной — церковь Норхат. Я оглянулся назад. Высокие окна, витражи с изображением богини, которая с завязанными глазами топчет грешников.

Красиво. Дорого. Бесмысленно.

Аяана смотрела на указатель. Лицо у неё было такое, будто она сейчас лопнет. Не от боли. От выбора.

Я видел этот взгляд раньше. У голодных псов перед двумя мисками или у убийц перед двумя жертвами, когда времени хватает только на одну.

Одна её половина хотела пойти направо — в больничные палаты к врачам Норхат. К тем, кто латает жриц после боёв, кто перевязывает раны, кто поит их отварами и молитвами. Я представил: Аяана врывается в палату, полную перепуганных женщин в белых халатах, и начинает крушить всё подряд — койки, склянки, перевязочные столы. А лекари разбегаются, прижимая к груди скальпели и бинты, бесполезные против багрового клинка.

Вторая её половина тянула налево — к экзорцистам. К тем, кто изгоняет демонов, духов и прочую нечисть. К тем, кто сейчас пытается понять, как работает мой меч.

— Нам налево, — сказал я.

Не потому, что так было правильнее. Просто больничные палаты — это лишнее. Мы и так оставили за собой достаточно трупов.

Аяана молча кивнула и пошла по мощёной дороге налево.

Я пошёл следом. Ноги уже слушались лучше. Не как раньше, конечно — бежать я бы не смог, — но хотя бы не подкашивались.

— Свежие силы, — сказала Анабель, после того как наложила на меня одноимённое заклинание.

Я кивнул. Да, заклинание сработало. Простой жреческий заговор забрал мою усталость и развеял её, как утренний туман.

Если и быть жрецом, то ради таких вещей. Не чтобы убивать или проклинать, а чтобы идти дальше, когда ноги уже не идут.

Но вслух я этого не сказал. Анабель — жрица Норхат, пусть и белая ворона. Не стоит перед ней рассуждать о том, каким должно быть истинное жречество. Она же начнёт цитировать свои молитвы, а я не выспался для таких споров.

Корпус экзорцистов встретил нас дивным садом. Деревья с золотистыми плодами, кустарники с ягодами размером с монету, клумбы с цветами, которых я никогда не видел. Всё это росло перед входом, аккуратно подстриженное, политое и ухоженное. Послушницы монастыря явно вкладывали душу в это место.

Интересно, они знают, что их подруги по вере рубят людей в подземельях на куски? Или им не говорят, чтобы аппетит не портили?

Полукруглая лестница из семи ступеней вела к широкой дубовой двери. Над дверью — эркер второго этажа, опирающийся на колонны крыльца.

Красиво. Дорого. Бесмысленно.

— Поехали, — сказала Аяана.

Она разбежалась — три шага, не больше, — и выбила дверь с ноги.

Дубовая дверь вылетела вперёд. Грохот стоял такой, будто рухнула небольшая мельница. Изнутри послышались женские крики.

— После вас, — сказал я, хотя Аяана уже была внутри.

Анабель посмотрела на меня, вздохнула и вошла следом. Я шёл замыкающим. Настоящий мужчина — дамы вперёд.

Запись двадцать третья

Просторный светлый зал — место гордости Сестёр-Экзорцистов.

Я ожидал увидеть что-то мрачное — свечи из человеческого жира, пентаграммы на полу, клетки с демоническими созданиями, которые предлагают тебе сомнительные сделки в обмен на душу. Но нет. Всё оказалось приличным, даже стерильным. Белые стены, высокие окна, сквозь которые лился ровный дневной свет, пол натёрт до блеска.

Не придраться.

На стенах висели знамена и оружие. Мечи всех мастей, от одноручных до двуручных. Копья с разными наконечниками. Топоры, булавы, цепи. Я даже заметил маленькую табличку под одним из чёрных топоров с красной рукоятью: «Стандартное Оружие Армии Тьмы. Изъят у еретика Дарона в 243 году. Хранить вечно».

Но моё внимание привлекло другое.

Под потолком, на толстых цепях, висела пушка мортирного типа с широким стволом и массивным казёнником. На боку гравировка: «Противоликантропная. Заряжать только серебром 925 пробы».

Я присвистнул.

— Хорошая вещь, — сказал я. — Если, конечно, у тебя проблема с оборотнями.

— Или с соседями, — добавила Анабель.

Аяана не смотрела на пушку. Её внимание приковал центр зала.

Там, на возвышении, стоял хрустальный гроб. Прозрачный, как лёд, с медными накладками по углам. А внутри — на бархатной подушке багрового цвета — лежал медный меч.

Тихий Гром.

Точно такой же. Те же пропорции, та же гарда, та же рукоять. Даже патина на клинке.

— Жалкая подделка, — фыркнула она.

Две женщины в кожаных доспехах выступили из-за колонн. Одна — с коротким мечом и кинжалом. Вторая — с арбалетом, уже взведённым и приставленным к плечу.

Я не успел ничего сказать.

Арбалетчица выстрелила. Болт просвистел там, где я только что стоял. Ещё пара дюймов — и он бы вошёл мне в плечо. Или в грудь. Или куда там метила эта женщина. Но меня вовремя оттолкнула Анабель.

Аяана уже бежала.

Она не петляла, не уворачивалась. Она просто рванула к арбалетчице по прямой — как бык на красную тряпку. Болт пролетел мимо — наемница сместила корпус влево на бегу, даже не сбавляя скорости. Потом ещё раз — вправо. И пошла боком, как краб, но быстрее любого краба, которого я видел.

Арбалетчица попыталась перезарядить. Пальцы скользнули, болт упал на пол. Она нагнулась — и это была её последняя ошибка.

Аяана настигла её через три секунды.

Тихий Гром вошёл в живот женщины легко, сквозь доспехи. Экзорцистка охнула, схватилась за клинок руками, но он уже был внутри, уже резал, уже убивал.

Вторая — с мечом и кинжалом — бросилась было на помощь. Но Аяана, не вытаскивая меча из первой, просто развернулась и рубанула призрачным эхом.

Короткий меч второй сестры-экзорциста переломился пополам.

— Подержи пока, — шепнула она арбалетчице и отпустила рукоять Тихого Грома.

Эхо в левой руке описало дугу и рубануло вторую жертву по горлу. Та выронила кинжал и схватилась за горло, хрипя в последней агонии, захлёбываясь кровью.

— Где меч? — злобно спросила Аяана, обернувшись к арбалетчице.

Та посмотрела вниз. Из её живота торчал Тихий Гром.

— Да не этот, — раздражённо выпалила наемница и заехала кулаком сестре-экзорцисту в челюсть.

Запись двадцать четвертая

Дорога из просторного зала разветвлялась. Налево и направо — два одинаковых коридора, выложенных светлым камнем. А ещё широкая лестница, уходящая на второй этаж. Дубовые резные ступени, перила с львиными головами. Богато живут экзорцисты. Не то что мы в своём подземелье.

— Может, поделимся? — предложила Анабель. — Так быстрее найдём.

— Нет, — сказал я.

— Почему? — удивилась она.

— Потому что никогда разделение команды не приносило ничего полезного. В любой книге, любой истории, любой пьяной байке в трактире — стоит героям разойтись в разные стороны, как одного тут же убивают, второго берут в плен, а третий потом полкниги ищет, как их спасти.

Аяана, которая уже сделала шаг в сторону левого коридора, остановилась.

— Умные мысли, жрец, — сказала она. — Редкость.

— Я умею удивлять.

Мы втроём шагнули в левое крыло. Правое оставили на потом. Лестницу — на потом после потом.

Первая дверь, которую мы открыли, вела в кабинет. Небольшое помещение, заставленное шкафами. На стенах висели головы. Не людей. Тварей.

Брукса с раскрытой пастью, полной игольчатых зубов. Фледер с ушами-лопухами и мёртвыми жёлтыми глазами. Василиск — мне показалось, или он до сих пор пытался взглядом обратить в камень?

Я специально отвернулся, на всякий случай.

Охотничьи трофеи экзорцистов Норхат. Каждая голова когда-то кому-то принадлежала. Кто-то их боялся. Теперь они висят на стенах и пылятся.

За столом сидела старая женщина.

Седые волосы были стянуты пучком на затылке. На носу — круглые очки с толстыми линзами. Одета в простую рясу, без доспехов. В руках — книга в кожаном переплёте.

Я ожидал крика, или истерики, или мольбы о пощаде. Или всё сразу.

Ничего.

Она посмотрела на нас спокойно. Сначала на Аяану, залитую кровью, потом на седого меня в чёрной сутане и с мечом сестры-протектора. Потом на Анабель, которая держалась позади.

Потом аккуратно закрыла книгу. Медленно. Спокойно. Как будто у неё впереди целый день и все дела подождут.

А потом она опрокинула стол.

Сделала это одним движением — резко, по-молодому. Стол встал на бок, превратившись в баррикаду. Бумаги разлетелись, чернильница разбилась, по полу растеклась синяя лужа.

И из-за этого стола в нас полетели болты.

Вжух. Вжух.

Два выстрела. Один за другим. Быстро — быстрее, чем я ожидал от старой женщины в очках.

Первый болт вонзился в дверной косяк в дюйме от моего лица. Острый осколок щепки коснулся щеки.

Второй летел в Аяану. Она не увернулась, просто отбила его мечом.

— С чем пожаловали, ёк? — спросила старуха из-за стола.

Ёк. Я не сразу понял. Это местное ругательство? Ласковое обращение? Или просто звук, который она издаёт, когда не хочет произносить нормальные слова?

— Не по твою душу, — злобно прошипела Аяана.

Она медленно ступала в сторону стола. Тихий Гром в правой, эхо — в левой. Глаза горят.

— Мы ищем меч, — сказал я.

Старуха не ответила.

— Тот, что изъяли у колдуна Огневерхой горы, — продолжил я.

Старуха молчала. Я слышал, как она перезаряжает арбалет. Или готовит что-то похуже.

— То есть, — я скривился, потому что следующих слов себе не простил, — у меня.

Колдуна Огневерхой горы. Я и есть.

Старуха хмыкнула.

— А я думала, ты просто вонючий бродяга, которого наёмница подобрала на дороге.

— Обидно, — сказал я.

— Ёк, — ответила старуха. — Валите отсюда. Здесь вам не рады.

Я задумался. А где нам рады? Есть вообще такое место?

— Я извиняюсь, — продолжил я.

— И правильно делаешь, Ёк! — перебила старуха. — Ещё минута моего терпения — и я напишаю тебе болтов за шиворот и

— В штаны? — осведомился я.

Аяана уже занесла меч. Ещё шаг — и она бы рубанула по столу.

Я жестом попросил наемницу не торопить события.

Она замерла. Меч застыл в воздухе.

— Вы же не по части убийства людей, — сказал я, глядя на стол, за которым пряталась старуха. — Вы опытная охотница на тварей.

Тишина.

Потом из-за стола донёсся устылый вздох.

— Да, Ёк, — подтвердила старуха. — Это правда. Но это не мешает мне надрать вам шею.

Аяана повернулась ко мне. Вопросительно. Взгляд говорил: «Что за фокусы? Я могу порубать эту бабку в считанные секунды. Почему ты меня остановил?»

Потому что старость и профессионализм надо уважать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.